

Глазами Сережи мы видим будничные происшествия в жизни детей и взрослых, и все привычное и безусловное начинает осмысливаться по-новому. Так, мальчик замечает, что его проступки оцениваются строже, чем те же проступки, совершенные взрослыми. Замечает Сережа и то, как много «ненужных слов у взрослых» (ведь и без этих слов ребенка многое понятно). Удивляется мальчик и тому, как часто расходятся у взрослых их слова и поступки. Детство в изображении В. Пановой оказывается временем напряженных открытий и неисчерпаемых вопросов. Рассказывая о них, писательница внимательно прислушивается к голосу и мыслям своего героя. Они звучат и в авторском повествовании, стиль которого напоминает иногда манеру детского рассказа.

Детский голос прочно завоевал себе место в прозе этого времени. Многие рассказы (и даже повести) написаны от лица ребенка. Такая форма, по словам В. В. Голявкина,

позволяет ближе подойти к человеку, к самому «маленькому» или самому «большому», исследовать характер изнутри до подсознательных глубин и интуитивных возможностей.

Интерес к человеку и его характеру — отличительная черта рассказов и повестей для детей этого времени.

Утверждение жизненной истины всегда связано с проблемой положительного героя. В детской литературе 50—80-х годов XX века было найдено принципиально новое решение этой проблемы. Писатели замечали «героев своего времени» не среди идеальных девочек и мальчиков, а среди тех, кого называли «трудными детьми» или «плохими учениками» (они — главные герои в произведениях **Ю. Я. Яковлева** и **В. К. Железникова**). И если в юмористическом рассказе подобные персонажи — предмет шуток, то в рассказе психологическом сомнение вызывают сами критерии оценки личности, часто формальные или бездушные. В рассказе **Ю. М. Нагибина** «*Зимний дуб*» (1953) молодая учительница должна была признать, что не разглядела многих достоинств в любимом ученике Савушкине, постоянно опаздывавшем на уроки. Во время прогулки по зимнему лесу «плохой ученик» вдруг раскрылся перед учительницей с неожиданной стороны — он оказался знатоком и ценителем лесной природы (ее волнованием в рассказе служит образ лесного великана — зимнего дуба). Только тогда учительница поняла истинную причину опозданий мальчика, который не мог проходить равнодушно мимо окружающей его красоты. Поэтический язык рассказа Нагибина передает душевный мир ребенка, любителя природы и гражданина своей земли.

Рядом с такими героями в детской литературе второй половины XX века много социально активных персонажей. Традиция их изображения началась с произведений Аркадия Гайдара и продолжилась в литературе времен Великой Отечественной войны. Произведения о детях-героях утверждали идеал человека, гражданские добродетели которого раскрываются в годы национальных бедствий. Далеко не вся литература военной тематики оказалась долговечной (слишком часто писатели искажали правду о войне в угоду героической идеализации), зато произведения, от такой идеализации свободные, продолжали жить. Среди них повесть **А. Ф. Воронковой** «*Девочка из горюда*» (1943). В ней рассказана история ребенка, вырванного войной из привычного мира. Трагедия пережитого сказывается в поведении и переживаниях девочки из блокадного города. Так, когда Валентинка начинает играть в игрушки, то ей кажется, что поломанные куклы, как и она, убежали из города и попали под вражеский обстрел. Новую семью маленькой ленинградке предстоит обрести в чужой для нее крестьянской семье. Процесс взросления в новую семью оказывается очень непростым, но благополучный конец книги Воронковой давал надежду на счастливое возвращение маленьких жертв войны к жизни.

В повести **В. П. Катаева** «*Сын полка*» (1945) семьей для ребенка сироты стал военный полк. Писатель изобразил в своем герое не жертву войны, а юного воина, удивлявшего опытных солдат своей ловкостью и мужеством. Оптимистические ноты в имени героя (Ваня Солнцев), как и его жизнеутверждающий характер, должны были свидетельствовать о силе народного характера, не сломенного войной. Подобного оптимизма не было в книгах писателей, создававших реалистическую литературу о войне.

В повести **В. О. Богомолова** «*Иван*» (1958) юный герой — это не только бесстрашный разведчик, но и нервный подросток, в котором военные испытания убили детство. Поэтому даже имя мальчика звучит по-взрослому — Иван, а трагическая развязка исключает возвращение героя войны к нормальной человеческой жизни. Но подобное изображение ребенка на войне находилось за пределами детской литературы.

«Героем» детской литературы 60—80-х годов XX века оказывается не только ребенок, но и мир детства в его своеобразии. Детские годы изображаются как время серьезных поступков, определяющих личность человека. Подобное видение детства разделял **Радей Погодин**, справедливо считая, что ребенок как личность формируется в раннем детстве. По словам писателя, ребенок «живет в неделенном мире, в мире, не взятом еще под сомнение».